

— Наконец ты пришёл, Гарри. Мы уже подумали, что ты проспал. Всё хорошо?

— Да, Миа. Просто меня Шес немного вывел из равновесия, пришлось с ним поговорить.

Шестеро друзей собрались ранним утром субботы в Большом зале, точнее, всех присутствующих собрали Гермиона и Сьюзен, за столом Хаффлпаффа. Обе подруги сидели с одной стороны, их друзья напротив. Гарри сел рядом с Луной.

— Луна, ты в порядке?

— М? Да, Гарри. Всё хорошо.

— Просто ты какая-то сонная сегодня. Хотя если учесть, что нас так рано собрали, это не удивительно.

— Так, раз уж мы все собрались, то можно начинать, — произнесла Сьюзен, улыбаясь.

— Начинать что?

— Собрание, под названием: □Что нам делать с Локхартом? □

За столом установилась тишина. Четыре пары глаз уставились на двух подруг, которые сидели с победными лицами и улыбались.

— Мы провели небольшое расследование, конечно, пришлось хорошенько засесть за книги, но это того стоило, — произнесла Сьюзен.

— И что же вы обнаружили? — поинтересовался Невилл.

— Да, и почему это связано с профессором Локхартом? — тут же поинтересовалась Ханна, всё ещё не веря, что лапочка-профессор может быть в чём-то виноват.

— Связано, и ещё как! Как оказалось, больше половины того, что он пишет в своих книгах, полная чушь. Он пишет о победе над йети, которые нападали на деревню, но на расстоянии двадцати километров вокруг этой деревни нет ни одного намёка хоть на одно возможное жилище. Та же самая ситуация и с книгой □Странствия с оборотнями□, где он вроде как победил оборотня и обратил его превращение.

— А уж книга увеселение с упырями, это вообще полный смех, — добавила Гермиона. — Описание того, как он отделил опасное зелье при помощи чайного ситечка, и то, как он изгнал из деревни упырей, которые на неё нападали — ничем, кроме как глупостью, назвать нельзя. Упыри не представляют для магов опасности, и в некоторых домах живут как домашние питомцы, как у тех же Уизли.

— Наше с Гермионой расследование привело к тому, что мы, кажется, нашли один способ, как он мог достигнуть таких высот. Скорее всего, он просто узнавал о чужих заслугах, расспрашивал о них, а тем, кто на самом деле выполнял эти героические поступки, стирал память заклинанием Обливиэйт.

Невилл, слушая этот разговор, пытался понять всё, о чём говорят подруги. Лонгботтом не был глупым, но в разговорах связанных с расследованиями он ни капельки не смыслил. Ну, если только немного.

А вот Гарри вздрогнул, когда услышал это заклинание. Он несколько раз сталкивался с

проявлением этого заклятия, но хуже всего был те два раза в прошлой жизни. Гермионе пришлось стереть воспоминания своим родителям, чтобы обезопасить их от гнева проклятого Тома Реддла, а она сама... Что же, невесте чистокровной семьи, пусть и предателей крови, ничего серьёзного тогда не грозило.

И он сам тоже, активно пользовался этим заклинанием. Не только для того, чтобы стирать память тем, кто видел его там, где не надо, но и на самом себе, чтобы забыть о том, что погибло много людей. Погибли те, кому он мог верить, кого мог считать своими друзьями. Забыть о том, что он любит Гермиону. Только таким способом можно было сосредоточиться на битве с Томом. Правда, это помогало только на несколько дней, потом Гарри снова всё [вспоминал] и снова пытался всё забыть.

Рэйвенкловец мотнул головой, выбрасывая из сознания эти воспоминания. Такого больше не случится, никогда. Он не позволит такому произойти. Как раз в этот момент, подошёл Малфой со своей свитой.

— Доброе утро, Поттер. Надеюсь, ты сейчас не занят, у меня есть разговор.

— Доброе, Драко. Ну, слегка занят, но могу на парочку минут отвлечься, если друзья не против, — Гарри повернулся в сторону Гермионы и Сьюзен.

— Мы тебе потом расскажем всё остальное, Гарри, — смотря на Малфоя с подозрением, произнесла рэйвенкловка.

— Вот и отлично. Да, кстати.

Поттер-Эванс залез в свою сумку, доставая оттуда коробку сладостей. У Гермионы, Невилла и Сьюзен, когда они увидели это, расширились глаза от удивления. Гарри лишь подмигнул своим друзьям, с лёгкой ухмылкой на лице.

— Крэбб, Гойл, угощайтесь! — радостно произнёс рэйвенкловец, открыв коробку и протягивая её телохранителям Малфоя. Те даже спрашивать ничего не стали, быстро опустошив содержимое наполовину. Гарри с трудом сдерживался, чтобы не смеяться, представив эффект от такого количества зелья одновременно.

Сразу после этого, Поттер-Эванс и Малфой ушли в пустой класс, за разговором. Вообще, Гарри заметил, что ещё с начала декабря, Драко стал немного странным. Он часто о чём-то задумывался, разговаривал на странные темы, и почему-то стал проводить время за газетой [Ежедневный Пророк], что ему было не свойственно. Нет, слизеринец её читал, но не настолько часто. Несколько раз, когда уроки Слизерина и Рэйвенкло совпадали, Гарри видел, как Драко мог внезапно залезть в сумку, достать газету и что-то там вычитывать. Лично для себя мальчик ничего такого не нашёл в газете.

— Ну, о чём хочешь поговорить на этот раз, Драко? — спросил Гарри, после того как Добби, как обычно, доставил чай, кофе и небольшую вазочку с печеньем. Это и правда, стало уже входить в привычку.

— Вначале, я бы хотел сказать — то, о чём мы сейчас будем говорить, никто не должен знать. Это только между нами, — серьёзно произнёс слизеринец, ожидая подтверждения. Его собеседник, подгоняемый любопытством, согласно кивнул. — Разговор может показаться странным, или несвоевременным. В общем, я хотел кое-что узнать о девчонках.

Гарри поперхнулся от услышанного.

— Драко... Мне слышалось? Тебя что, по голове стукнули? Причём тут я?

— Никто меня не стучал, Поттер. А тебя я спрашиваю, по нескольким причинам.

— И по каким именно?

— Самые основные? Во-первых — вокруг тебя почти всё время четыре девчонки крутятся, это если не считать, что за тобой по пятам постоянно бегает эта мелкая Уизли. А во-вторых — среди тех кого я знаю с нашего курса, ты единственный у которого, так сказать, есть близкие отношения, — ответил Драко, и добавил, после того, как увидел удивлённый взгляд собеседника. — Да брось, Поттер. Неужели ты думаешь, что никто ничего не видит? Да уже наверно половина школы, если не вся, считает, что вы скоро встречаться будете. Правда, среди таких людей есть те, кто не желает, чтобы такое произошло, как те же самые Уизли. Видят же, что ты отдаёшь предпочтение симпатичной магглорождённой ведьме, а не чистокровной, хотя среди твоих подруг, две чистокровные и одна полукровка.

Гарри потребовалось пара минут, чтобы прийти в себя после такого заявления слизеринца. Несмотря на то, что мозг был в лёгкой отключке, он всё-таки ухватился за последнюю сказанную фразу.

— Подожди-ка, Драко. Мне слышалось, или ты сказал в сторону Гермионы...

— Я не слепой, — перебил он рэйвенкловца, выпивая кофе. — Да, я уважаю чистоту крови и да, я не слишком хорошо отношусь к гр...магглорождённым. Но это не значит, что я не могу увидеть, что твоя Грейнджер — симпатичная ведьма, хоть и прячет это, не слишком сильно следя за своим внешним видом.

— Малфой, надеюсь, ты не пытаешься... — холодно произнёс Гарри, но слизеринец снова перебил.

— Не смей меня. Я точно никогда не буду встречаться с магглорождённой ведьмой. Тем более, как заведено у моей семьи, я уже помолвлен с чистокровной девочкой.

— Тогда зачем ты позвал меня поговорить? Похвастаться решил?

Драко допил кофе, поставив чашку на стол. Конечно, странно, что он будет это спрашивать у Поттер-Эванса, а не у родного отца, но просто не было другого выхода. На это у него были свои причины.

— Я хотел попросить тебя совета, как себя лучше вести или ухаживать за девочкой, которая...

* * *

Гарри никогда не думал, что второе полугодие будет таким...странным. Помимо странного разговора с Малфоем и неожиданного роста Шеса, рэйвенкловец вместе с друзьями стал раздумывать о том, как показать всем истинную личность профессора ЗОТИ. Сьюзен и Гермиона привели железные аргументы, почему вообще стоит это делать, но проблема с доказательствами только одна — поиск пострадавших, то есть тех, кому стёр память Локхарт. Вот и приходилось думать, как это сделать по-другому.

Джинни Уизли от него, наконец, отстала. Ну как отстала, у неё просто не было времени ходить за Гарри, так как ей приходилось теперь постоянно бегать от внезапных поклонников — Крэбба и Гойла. Эти двое носились за ней по пятам, крича на каждом углу как они восхищаются ею,

какая она красивая и всё в таком духе. Наблюдать за этим было очень весело, особенно те моменты, когда эти двое едва не зажимали рыжую в углу.

Невилл, Сьюзен и Гермиона, что естественно, поинтересовались у Гарри, почему он сразу не отдал сладости в нужные инстанции для расследования, на что мальчик лишь улыбнулся, а его глаза озорно заблестели вместо ответа. А что он мог сказать? Что он решил так отомстить рыжим? Ну, его друзья и так это знали, а вот когда они увидели, как Гарри вроде бы случайно оставил на уроке ЗОТИ остатки выпечки, причём оставил их за столом, где сидит Рон, они вообще выпали в осадок. Все же знают любовь Рона к еде, а тут выпечка, в неизвестной коробке от неизвестного человека. Зато на следующий день вся школа могла наблюдать драку Рона Уизли, и свиты Малфоя, хотя дракой это нельзя назвать, Крэбб и Гойл быстренько успокоили рыжего, словно перед ними никого не было.

Лохматая Парочка продолжала свои отработки у профессора Снейпа, и к концу второй недели, они смогли изготовить нужное зелье, устав по полной программе. Оно было очень сложным по составу, и Гарри даже стало казаться, что это противоядие было придумано самим Снейпом, хотя спрашивать он не решился. С третьей недели учёбы, Поттер-Эванс стал ходить на отработки один, и это было гораздо скучнее, чем с подружкой. Зато теперь профессор стал гонять Гарри по зельям так, как не гонял никого на уроке.

Так как рэйвенкловец стал пропадать на отработках, его обязанности (маленькие шалости), взяли на себя его друзья. Конечно, Гарри знал, что они иногда веселятся, но вот чего он пока что не знал, это то, что основным инициатором этого была... ГЕРМИОНА! Девочка оказалась более изобретательной, чем Гарри, хоть и оказалась чуть менее продуктивной (шалости происходили чуть реже), но умудрялась проводить свои деяния незаметно, особенно если её прикрывали Невилл и Сьюзен. А вот страдали от этих проказ, в основном только Рональд и близнецы Уизли, ну и Локхарт.

Рэйвенкловка умудрилась зачаровать свет в коридорах и классе ЗОТИ так, что в определённые моменты, которые всегда совпадали с появлением в них нужных людей, они сияли в несколько раз сильнее. Уизли и Локхарт быстро нашли выход, создав себе защитные очки (Локхарту пришлось помучиться, прежде чем у него получилось), но Гермиона и тут оказалась проворнее, наложив на эти очки красящие заклинания. Теперь, когда они их снимают, остаются чёрные круги, как у панд. Знали бы об этом родители и опекуны детей...

Можно с уверенностью сказать, что Амелия Боунс точно бы возмутилась, тогда как Августа Лонгботтом и мистер и миссис Грейнджер возмутились бы только для виду, радуясь про себя, что они ведут себя как нормальные дети. А вот Сириус Блэк точно бы смеялся, причём очень и очень долго.

Во время одного из дополнительных уроков по зельям, у Гарри произошла небольшая проблемка: его зелье, которое должно было по идее принять ярко-красный свет при приготовлении, оказалось нежно-лиловым и без запаха. Ради интереса, Гарри налил его наполовину в колбу и добавил обычную воду. Зелье тут же приняло вид воды, но если присмотреться, оно ещё имело едва заметный лиловый оттенок. Задумавшись, ворон предпринял попытку смешать зелье с другими напитками, и каждый раз, оно словно маскировалось под них. Проверка на яд выявила, что зелье не могло отравить или убить. Через час, закончив с экспериментом, на лице Гарри появилась наглая улыбка.

На следующий день весь Большой Зал мог лицезреть интересную картину: Рон Уизли, который как всегда ест так, словно в последний раз, начал после каждого чиха превращаться в лилового монстра. Первые два раза профессор МакГонагалл и профессор Флитвик смогли его

расколдовать, но как оказалось, зелье имеет свойство накапливать свою силу, и чем больше пил тыквенный сок Рон, тем тяжелее было его расколдовать. В итоге, так и не поев хорошенько, Уизли был отправлен в Больничное Крыло, где Мадам Помфри нашла нужное зелье, но это не отменило того, что в течение следующей недели Рональд продолжал превращаться при чихании. О, лицо этого рыжего, который боится лишний раз чихнуть, надолго сохранится в воспоминаниях всех учеников и преподавателей Хогвартса, особенно когда Гарри слегка доработал средство, и у рыжего недоразумения появилось недержание. Профессор Снейп сверлил взглядом Поттер-Эванса, но ворон делал морду кирпичом, хотя внутренне смеялся.

С начала февраля, шалости против мистера Гилдероя усилились, как и их разрушительность, что стало неожиданностью для Новых Мародёров. Гермиона Грейнджер всерьёз взялась за профессора. Падения и внезапное перекрашивание волос, после добавление в его средство для ухода за волосами специальных зелий, сменились разваливающимися стульями, когда он садился, подножки с последующими падениями в не совсем приятные растения, от которых потом по всей коже идут волдыри и прыщи. Три раза профессор Локхарт заходил в туалет для преподавателей, где садился в очень неудачном месте. Гарри и Невилл зачаровывали всё таким образом (после инструктажа Гермионы), что белый трон просто напросто взрывался, окатывая водой сидящего. Причиной таких шалостей стали всего лишь две новости.

Нападений не было уже давно, школьная жизнь стала возвращаться в нормальное русло, и всем было всё равно, почему нет нападений. Конечно, Гермиона смогла догадаться, что в этом виноват Василиск, благодаря некоторым данным, таким как окаменение, того, что Тайная Комната принадлежала Салазару (змееусту) и убийство петухов Хагрида. Естественно она всё рассказала друзьям, хоть и не могла понять, почему он больше не нападает. Гарри не торопился рассказывать сейчас, что он забрал Вису из школы. Он надеялся на летние каникулы пригласить друзей к себе, и всё им показать и рассказать. Ну, кроме Ритуала.

После последнего нападения наступило затишье. Все радовались, что никто не нападает на учеников, что можно ходить по коридорам ничего не опасаясь, но вот один недоволебник считал, что в этом его заслуга.

— Думаю, Флитвик, что жертв больше не будет, — говорил Локхарт, подмигивая и постукивая себя пальцем по носу, когда декан Рэйвенкло вёл своих учеников на урок. — Полагаю, Комната на этот раз закрыта окончательно. Преступник осознал, что я изобличу его, это лишь дело времени. С его стороны весьма разумно именно сейчас прекратить злодеяния, пока я не взялся за него основательно. Да, между прочим, вы ведь тоже понимаете, школе нужен сейчас какой-то праздник, который поднял бы моральный дух. Долой воспоминания о бедах прошлого семестра! Сейчас я не могу сказать ничего больше, прибавлю только лишь то, что знаю, какой дорогой нужно идти...

И ладно, если бы он только хвалился, так Гермиона, при помощи Сьюзен, узнала ещё одну, вторую новость, от которой она и усилила нападки — Гилдерой Локхарт был студентом Рэйвенкло! Для девочки это было как удар по самолюбию — такой ленивый, самовлюблённый лгун, и был в Рэйвенкло?! Если бы профессор понял, кто и почему над ним шутит — он бы сам сдал пост учителя другому. Он ведь ещё не представляет, на что может быть способна самая умная студентка Хогвартса, когда она злится...

* * *

— Гермиона, а это уже не слишком?

— Нет, не слишком. Ты главное не забудь фотоаппарат взять с собой завтра.

— Да откуда ты его вообще взяла?

— Как откуда? Тут очень много заброшенных мест, где они и обитают. Так что найти было не тяжело, тяжелее было только заманить и спрятать в коробку.

— Мерлин. Гарри, ну хоть ты ей скажи?

Рэйвенкловец был задумчив, потирая свой подбородок, но, увы, сказал он не то, на что надеялась Сьюзен:

— Посылку можно будет доставить любой почтовой совой, — произнёс он, и его глаза зажглись озорным блеском, заставляя троих друзей вздрогнуть и слегка улыбнуться. Они уже знают, что означает такой взгляд. — И ради веселья, я ему подкинул парочку вкусных сладостей, особого приготовления, доставленные Шесом.

— А как насчёт...

— Миа, ты меня удивляешь! Думаешь, хоть кто-то будет против и не подпишет нашу петицию? Да я уверен, что почти все это сделают.

— За что мне это только всё? — возвела к потолку очи Сьюзен Боунс.

* * *

Стены Большого зала сплошь увиты пышными, ядовито-розовыми цветами, с бледно-голубого потолка сыпались конфетти в форме сердечек, отчего большинство учеников тошнило. Да. Это день Святого Валентина в исполнении Гилдероя Локхарта, который сам сейчас сидел за столом преподавателей в ярко-розовой мантии. Остальные учителя по обе стороны от него, были не очень-то и рады такому. Ну, кроме директора, тот улыбался, как впрочем, и всегда. Профессор МакГонагалл сидела рядом с Локхартом, и у неё отчётливо дёргалась щека, а профессор Снейп был очень-очень грустный и злой. Наверняка жалеет, что не существует смертная казнь за такое оформление.

Взгляды Гарри и Снейпа на несколько секунд встретились. Рэйвенкловец опустил щиты разума, позволив зельевару просмотреть его мысли. Ужас подземелий, который как раз пил кофе, чуть не подавился, но огненоволосый уже поднял защиту, закрывая разум и усаживаясь на своё место.

— Что это с профессором Снейпом? — спросила Гермиона.

— Перестарался, наверно, и сделал слишком большой глоток кофе, — пожал плечами Гарри, не видя, что взгляд профессора из грустно-злого стал заинтересованным, а его губы тронула слабая ухмылка. Но вот когда двери в Большой зал открылись, и вошли гномы, ухмылка пропала с его лица.

— Представляю вам моих любезных купидончиков, валентинских письмоносцев! — лучезарно улыбался Локхарт. — Сегодня они будут ходить по школе, и разносить валентинки. Веселье только начинается! Я уверен, и мои коллеги захотят внести лепту в наш праздник! Давайте попросим профессора Снейпа, пусть он покажет нам, как сварить Любовный напиток! А профессор Флитвик в этот праздник пламенеющих сердец мог бы рассказать кое-что о Приворотных средствах. Он знает о них, старый проказник, больше любого чародея!

Профессор Флитвик спрятал лицо в ладонях, а у зельевара, как и МакГонагалл, отчётливо дёрнулась щека. Рядом с Гарри раздалось шипение рассерженной кошки, в исполнении Гермионы. Ещё бы, какой-то павлин посмел так оскорбить профессоров, которых так уважает рэйвенкловка.

— Если сегодня ничего не получится, я сама его задушу.

— Миа, а ты знаешь, что по рукам девушки можно узнать всё, о чём она думает? — спросил Гарри, сковыривая с жареного бекона сердечки.

— В смысле? — отвлеклась девочка на вопрос.

— В прямом. Это очень легко сделать, причём даже такой как Локхарт это сможет. Например, если руки девушки держат тебя за горло, значит, она слегка обижена.

Рэйвенкловка смотрела на друга секунд десять, прежде чем негромко захихикать, как и ещё несколько девочек, которые это слышали. После гномов, в зал влетели совы, с письмами, открытками и подарками. Свою открытку Гарри не отправлял, он сделал её своими руками, оформив цветами своего факультета, которые так шли его подруге. После завтрака, когда все собирались идти на урок, рэйвенкловец остановил Гермиону.

— Миа, подожди секундочку.

Девочка остановилась, повернувшись к другу, и увидела, как тот достаёт из сумки открытку, и протягивает ей. У Гермионы в голове щёлкнуло: она забыла сделать Гарри подарок на День Святого Валентина!!!

— С праздником, Миа! — радостно улыбаясь, произнёс Гарри, отдавая покрасневшей девочке открытку, и сразу после этого поцеловал её в щёчку, заставив покраснеть ещё сильнее.

Со столов Рэйвенкло и Хаффлпафф раздалась хлопки и радостные крики от знакомых и друзей Лохматой Парочки. Гарри тоже слегка смутился, но смотря на подругу, не мог не улыбнуться тому, как мило она выглядела. И практически никто не видел откровенно злых взглядов со стола Гриффиндора, исходящих от Рональда и Джинни Уизли, и ярость, которую они испытывали.

— Пора на урок, — напомнил Поттер-Эванс, и пошёл на выход. Девочка стояла на одном месте, смотря на открытку. Она забыла о подарке, сконцентрировавшись на Локхарте, значит, надо это исправить. Гермиона тут же бросилась к подругам — до урока ещё пятнадцать минут, надо успеть поговорить.

* * *

День Святого Валентина обернулся для Локхарта очень большими неприятностями, окончившимися только под вечер ещё одним большим и неприятным сюрпризом. Но обо всём по порядку.

Этот урок ЗОТИ, как и все остальные до него, проходили с дурацкими сценками из его книг, которые тот разыгрывает с разными учениками. На столе преподавателя стояла маленькая коробочка с письмом.

— О! Письмо от моей поклонницы Молли Уизли! — завещал на весь класс [профессор], открывая коробочку. — Она поздравляет меня с праздником и посылает сладости личного

изготовления! Великолепная женщина, дай ей Мерлин здоровья!

— Гарри, ты написал письмо от миссис Уизли? — спросила Гермиона, тихо зашептав на ухо другу. — Как ты умудрился не проколоться?

— Помнишь, я в конце января получил лишнюю отработку, когда [нечаянно] сломал рыцарские доспехи, и они сбили Локхарта? — поинтересовался паренёк, слегка зажмурившись. Дыхание подруги приятно щекотало его ухо. — Я тогда получил у него отработку, и почти весь вечер помогал подписывать письма его фанатов. Пришлось попотеть, чтобы вспомнить, что они писали и составить своё, я ведь не умею думать и запоминать так быстро как ты.

— А эти сладости.... Это то, что я думаю?

На лице Гарри появилась хищная улыбка, и Гермиона всё поняла без слов. Следующий урок ЗОТИ был у первокурсников Хаффлпаффа и Гриффиндора, а у второкурсников Слизерина и Рэйвенкло — зелья. Уже возле кабинета их настиг один из гномов.

— Эй, ты, Гайи Поттей! — проскрипел он, расталкивая учеников.

Гарри бросило в жар. Ещё этого не хватало получить валентинку от Джинни. Он попытался улизнуть — не тут-то было. Гном метнулся ему наперерез, колотя по ногам кого ни попадя, настиг его и крепко схватил за сумку.

— Тебе музыкальное послание, Гайи Поттей, самолично, — объявил гном, неумолимо забренчав арфой.

— Только не здесь! — вырвался Гарри.

— Стой смийно! — хрюкнул гном, дёрнув его к себе.

— И не подумаю!

Помощь пришла, откуда не ждали. Поттер-Эванс уже был готов достать палочку и отбросить гнома, но раздался громкий голос, принадлежащий Малфою:

— Флиппендо!

Гном отлетел в стену, хорошенько приложившись об неё головой и отключившись.

— Поттер, один вопрос — с каких пор ты стал притягивать к себе таких отвратительных созданий? — спросил слизеринец.

— С тех пор, как познакомился с тобой. Ой, или ты это про гнома спрашиваешь? — широко улыбнулся Гарри.

Возле дверей зельеварения стояла тишина. Обычно, такие заявления в сторону Слизерина, особенно в сторону Малфоя, заканчивались потасовками или угрозами, но никто не ожидал, что последний громко засмеётся.

— Один-один, Поттер! — отсмеявшись, произнёс слизеринец. — Умеешь отвечать на нападки в свою сторону.

— Хочешь жить, умей вертеться. Хочешь хорошо жить, умей вертеть всё остальное, — заявил рэйвенкловец, и слегка кивнул. — Спасибо за помощь, Драко. Не люблю этих созданий,

которых притащил Локхарт. В дрожь бросает, когда я их вижу.

Надо ли говорить, что зелья сегодня проходили не совсем удачно для практически всех учеников? Помимо того, что Поттер-Эванс и Малфой без нападок разговаривали перед уроком, в кабинет они вошли самыми первыми, и уже перед тем, как рассестись по своим местам, крепко пожали друг другу руки. Весь урок ученики смотрели на двоих такими глазами, что это не могло отразиться в итоге, ведь практически никто не смотрел внимательно за тем, что творится в их котлах.

— Гарри, что случилось с Малфоем? — тихо спросил Невилл. — Мне кажется, или он стал очень странным?

— А по-моему, он такой же, как и всегда. Хотя да, что-то в нём изменилось, Нев.

* * *

Заместитель директора Минерва МакГонагалл уже долго мечтает о том, чтобы уволить одного из преподавателей. Всего за несколько месяцев, он умудрился достать весь учебный персонал и всех учеников разом. Несколько раз она подходила к директору с просьбой об отстранении Локхарта, но тот словно не слышал её, и вот сегодня, Снейп произнёс странную фразу:

— Подождите до вечера, Минерва.

Декан Гриффиндора чуть не спросила, уж не хочет ли он отравить Локхарта, но поняла, что Альбус бы такого не допустил. День тянулся очень медленно, но несколько раз к ней подходили её гриффиндорцы, утверждая, что профессор Локхарт снимает со всех остальных учеников баллы, даже у самых лучших, но постоянно отдаёт их Джинни Уизли, причём практически за просто так. А ближе к вечеру, в школу заявили авроры, вместе с Амелией Боунс. Она предъявила бумагу, которую подписали практически все ученики, что профессор Локхарт халатно относится к своим обязанностям, ведёт себя неподобающе, и вообще, преподаватель из него никудышный. Глава ДМП заявила, что хотела бы вечером провести разговор с Локхартом и проверить, на что он способен. Об этом говорил Северус?

Наконец, наступил ужин в Большом зале. Альбус представил новых гостей школы, и в его голосе не было слышно ни капли радости. С началом ужина в зал влетела большая сова, которая несла с собой посылку, с доставкой самому Локхарту. Со своей ослепительной улыбкой, тот открыл посылку, взял её в руки и...не смог отпустить. Она приклеилась к его ладоням, и никак не желала отклеиваться.

Из коробки медленно выплыла тень, которая превратилась в старого армянского волшебника, и громко заговорил:

— Ты обманул меня, Гилдерой! Ты похитил мою славу, мой подвиг и выдал его за свой! Из-за тебя я забыл всё, и умер в одиночестве!

— Я никого не обманывал! — высоким голосом закричал преподаватель ЗОТИ, пытаюсь стряхнуть со своих рук коробку. Тень на несколько мгновений покрылась рябью, и превратилась в ведьму, лет сорока-сорока пяти.

— Из-за тебя, я забыла свою семью, я забыла свой дом! Я живу на улице, не зная кто я такая!

Локхарт вскочил со стула, пытаюсь выбежать из зала. МакГонагалл, как и другие

преподаватели, не торопились помогать ему справиться с боггартом, поэтому наблюдали за его действиями. Скорее всего, решила декан, это и была проверка Амелии.

Едва Локхарт добежал до дверей, как его ботинки приклеились к полу, и он упал на пол. С потолка на него полетели стручки Паффопода, которые при ударе стали превращаться в цветы на одежде профессора, а несколько стручков были вообще с краской. Всё это сопровождалось выкриками тени, принимающими различные виды.

Под громкий хохот всех учеников, Гилдерой смог наконец, освободить свои ноги от ботинок и встать на ноги, когда рядом с ним появилась полтора метровая змея, которая грозно зашипела на Локхарта.

Под громкий пронзительный крик, от которого треснуло несколько хрустальных стаканчиков, Локхарт выбежал из зала, предварительно потеряв свои штаны, а змея медленно уползла, контуженная от крика павлина. Амелия Боунс, вместе с аврорами, учениками и преподавателями, начала вставать со своего места, когда услышала взрывы фейерверков. Выбежав из школы (а практически все ученики выглядывали из окон), все увидели следующую картину: Гилдерой Локхарт, бегая без ботинок и штанов по земле, время от времени подлетал вверх на высоту чуть меньше метра под звуки запуска и взрыва фейерверков.

Когда он добежал до одного места, прямо напротив преподавателя ЗОТИ появилась фигура, которая издали казалась вампиром, с ярко-красными глазами. Амелия не успела даже палочку достать, когда Локхарт снова пронзительно закричал, побежал в другую сторону, а фигура пропала. Наблюдающий за этим преподавательский состав, пусть внешне и выглядит спокойно, но с трудом сдерживали смех. Даже Снейп, который каждую шалость воспринимал как оскорбление его самого, не мог сдерживать ухмылки, от таких красочных полётов павлина.

— Неплохо идёт. Практически на мировой рекорд.

Глава ДМП, вместе со всеми повернула голову в сторону голосов. Совсем неподалёку, с упаковками попкорна, сидела четвёрка учеников, которая наблюдала за картиной, разворачивающейся недалеко перед ними. Это были Гарри Поттер-Эванс, Невилл Лонгботтом, Гермiona Грейнджер и племянница Амелии, Сьюзен Боунс. Последняя сидела с фотоаппаратом, который подарила ей мисс Грейнджер, и фотографировала, и широко улыбаясь при этом, явно получая удовольствие от происходящего.

— Кто мне объяснит, что тут происходит? — строго спросила глава ДМП, не замечая как все её авроры, в том числе молодая девушка с фиолетовыми волосами, едва сдерживают смех, наблюдая, как Локхарт бежит по кругу, отбегая от каждого появления вампира.

— Просто небольшая проверка профпригодности нашего дорогого профессора, мадам Боунс, — спокойно ответил Гарри, так же улыбаясь, как и его друзья.

— Это относится к тому, что у меня на столе вчера вечером появилась петиция, среди которых первыми именами стоят ваши?

— Нууу...если только немного.

— Понятно. Кто это всё придумал?

Все четверо, не отворачиваясь от интересной картины, одновременно подняли руки вверх. И если мадам Боунс была в шоке от того, что в этом принимала участие её племянница, то Минерва МакГонагалл вздрогнула, и мотнула головой, отгоняя наваждение. Про себя женщина

жалобно застонала: мало было школе, когда тут были Мародёры, так теперь появилось новое поколение. Хотя надо признать, новые проделки гораздо интереснее, чем прошлые, и не такие вредные, как шалости близнецов Уизли.

Спустя полчаса, когда ловушки закончились, а Локхарт без сил лежал на земле, всех развели по своим гостиным. Не успев попасть в свою комнату, Гарри остановила Гермиона, которая была очень задумчивой.

— Гарри, подожди.

— Что случилось, Миа?

— Гарри...я...прости меня. С этим Локхартом, я совсем забыла о празднике, и ничего не приготовила тебе.

— Да ладно, Миа. Ничего страшного, тем более, шалостями занимались мы все.

— Но ты ведь не забыл! В общем...ну...

Поттер-Эванс смотрел на подругу, которая отчаянно краснела и о чём-то напряжённо думала, рассматривая пол. Он уже хотел сказать ей, чтобы она не беспокоилась, ведь он правда не обижается на подругу, когда Гермиона посмотрела на него, её глаза цвета шоколада встретились с его изумрудными глазами, и девочка неуклюже поцеловала его в губы. Конечно, назвать поцелуем это было нельзя, скорее, просто клевок в губы, но и этого хватило, чтобы Гарри покраснел точно так же, как и подруга.

— С Днём Святого Валентина, Гарри, — пробормотала Гермиона, быстро ретировавшись в свою комнату, оставляя Поттер-Эванса одного, с глупой улыбкой на лице. Возле двери в свою комнату, мальчик заметил странное шевеление, которое спустя несколько секунд прекратилось, и на полу появился Шес.

— Хозяяяяииин. Этот человек меня оглушиил своим криком, — жалобно прошипел змей, переворачиваясь и шевелясь на полу.

— Прости, Шес. Я не думал, что он умеет так кричать, — сжалился над фамильяром Гарри, протягивая к нему руку. Тот со второй попытки смог залезть в рукав, проползти по всей длине, и устроиться на своём любимом месте, обернувшись вокруг торса хозяина. Почти сразу же, Шес блаженно зашипел, наслаждаясь тишиной и магией Гарри.

* * *

Естественно, Локхарт был уволен, и по-другому нельзя было сделать, особенно когда все узнали, что он боялся не настоящих вампиров, а отлично сделанные манекены, и против него началось расследование, с учётом того, что показывал боггарт, и если учесть, что несколько учеников рассказали, как себя вёл Локхарт в отношении юной Уизли. Новые Мародёры потеряли по двадцать баллов, но зато получили признание всей школы, и негласную благодарность всего преподавательского состава школы. А, и самую чёрную зависть и ненависть от всех Уизли, кроме Джинни, которая продолжала питать иллюзии насчёт Гарри.

Гилдерой Локхарт серьёзно не пострадал, если не считать его самолюбия и гордости, ну и внешнего вида. В журнале «Придира», а затем и в газете «Ежедневный Пророк», появились фотографии так называемого «великого волшебника», который очень хорошо получился, подпрыгивающим в воздух под взрывы фейерверков, в разноцветных цветах и краске, без

штанов и ботинок.

Была открыта вакантная должность преподавателя ЗОТИ, на которую директор Дамблдор начал искать человека. Спустя неделю, после того как директор не справился с поисками, Амелия сама предложила человека.

В субботу, когда к Гарри приехали Сириус и Ремус, они проводили время на улице. В этот раз, Поттер-Эванс уговорил друзей поближе познакомиться с его крестным и другом. Старые Мародёры с громким смехом слушали то, что вытворяло молодое поколение, особенно покраску Локхарта цветами и краской. Любовь Невилла к цветам хорошо помогла в обстреле бывшего преподавателя, а отличные познания Гермiony в Чарах, неплохо сыграли в том, чтобы профессор оказался в нужное время в нужном месте. Новое поколение Мародёров начинает своё шествие по Хогвартсу.

Ремус и Сириус, в свою очередь, рассказывали о своих проделках во времена их учёбы, и дети внимательно слушали взрослых. Во время разговора, все заметили, что Люпин смотрит за спину детей, и Блэк, проследив за взглядом своего названного брата, усмехнулся, увидев нового преподавателя ЗОТИ. Тот громко свистнул, обратив на себя внимание, и махнул рукой, подзывая.

— Здравствуй, дорогая племянница. Рад тебя видеть. Ты так выросла!

— Здравствуй, Сириус, — ответила девушка, обняв Блэка, и отпустив, стала осматривать его спутника.

— Познакомься, это — мой друг и брат, Ремус Люпин. Рем — это моя племянница, Нимфадора Тонкс, — представил их друг другу Бродяга.

Волосы девушки стали ярко-красными, когда она услышала своё полное имя.

— Никогда...не называй меня... Нимфадорой! — вспыхнула девушка. — Называй лучше просто Тонкс. Ну, или Дора.

— Прекрасное имя, — негромко сказал Ремус, поклонившись. — Так понимаю, вы — новый преподаватель ЗОТИ в Хогвартсе?

И тут же Люпин дал себе мысленный пинок. Нашёл о чём спрашивать юную особу. Да и он ведь старше неё! А с учётом его пушистой проблемы...

— Меня назначила мадам Боунс. Я совсем недавно закончила академию, так что это лучше, чем патрулирование Ночной аллеи, — с улыбкой ответила Тонкс, явно заинтересовавшись мужчиной, стоящим перед ней.

Сириус, подмигнув Гарри и его друзьям, медленно начал отходить в сторону, оставляя Ремуса и Нимфадору наедине друг с другом. А те, кажется, даже и не заметили, что остались совсем одни.

— Сириус, нам срочно надо будет что-то сделать с нашим Лунатиком.

— В смысле, Гарри?

— Нужно сделать так, чтобы он перестал считать себя мерзким тёмным существом. Вон, он даже с Тонкс какой-то зажатый.

— Согласен с тобой, детёныш. Ну, рассказывайте, сорванцы, как преподаёт моя племянница?

— Великолепно, мистер Блэк! — тут же отозвалась Ханна, которая ещё недавно восхищалась только Локхартом. — На первом уроке она рассказывала о том, на что способны тёмные волшебники, а потом, в конце урока, она внезапно превратилась в профессора Снейпа, от чего мы все чуть со стула не упали. Мы и не знали, что она — метаморф! Это так классно!

Весь разговор на себя перетянули Ханна, Луна и Сьюзен, остальные лишь добавляли свои наблюдения со стороны. В конце разговора Блэк уже знал точно, что все ученики очарованы его племянницей. Хотя как может быть иначе, если во всём виновато очарование Блэков? Правильно, иначе никак.

* * *

Прошло четыре месяца после последнего нападения. Луна продолжала быть немного странной девочкой, Гермиона умной, начитанной, но стала чаще участвовать в шалостях. Как заявила сама девочка, ей становится скучно, а Локхарта нет, чтобы над ним шутить. Драко стал чаще появляться рядом с их компанией, причём, начал разговаривать и с другими друзьями Гарри, даже снизошёл до небольших диалогов с Грейнджер.

Рональд Уизли, который не выучил урока после своих превращений, продолжал быть настоящим убудком, за что один раз был прилично побит Поттер-Эвансом. Он снова назвал Гермиону грязнокровкой, но тихо, чтобы это слышали только гриффиндорцы. Откуда ему было знать, что рэйвенкловец прошёл Ритуал, и его слух стал чуть-чуть острее. Совсем капельку. Поэтому не удивительно, что спустя несколько секунд после оскорбления, в небольшую толпу львов влетел Гарри, с кулаками наперевес, следом за ним влетел уже Невилл, который прикрыл спину друга от желающих напасть сзади. Драться он не умел, но зато мог отлично отталкивать тех, кто лезет.

Громкий крик декана Гриффиндора, заставил прекратить драку, и спасло от выбитых зубов Уизли, правда, нос всё равно был сломан. Гарри лишил свой факультет тридцати баллов и получил неделю отработок с завхозом, Невилла оштрафовали на десять баллов, и дали два дня отработок с МакГонагалл, а Рон Уизли, после того как сообщили причину, лишил Гриффиндор двадцати баллов и получил неделю отработок с профессором Снейпом.

После пасхальных каникул, всех озадачили предметами, которые надо выбрать на третий год обучения. Гермиона, как Гарри и ожидал, записалась на все сразу, поэтому мальчик решил с ней поговорить на этот счёт, хотя после того случая на День Святого Валентина, они сильно смущались смотреть друг другу в глаза. Если раньше они могли спокойно обняться при встрече, то сейчас, даже слегка касаясь пальцами, они мгновенно краснели и отворачивались. Многие девочки это заметили, и естественно посчитали, что Лохматая Парочка рассорилась, что многих только радовало. Особенно Джинни Уизли, которая воспрянула духом, и поняла, что у неё снова появился шанс заарканить Мальчика-Который-Выжил. И у неё созрел план для этого.

Приближающаяся игра в квиддич никого почти не волновала, чему Гарри был очень рад. Ему было достаточно вспомнить, как раньше его гонял Оливер Вуд, чтобы отбросить любые мысли об игре. Кстати, свою метлу Гром, он на время игры отдал ловцу Рэйвенкло, Чжоу Чанг. Она была очень рада такому, ведь школьная метла по сравнению с метлой Гарри — просто черепаха. Теперь, у воронов был шанс на победу.

В день игры Хаффлпафф против Гриффиндора, Гарри проснулся позже обычного. Он собирался

вместе с друзьями пойти на поле, чтобы поболеть за Седрика Диггори, ловца и капитана Хаффлпаффа, как почувствовал слабое давление в районе сердца. Такое иногда бывало, и Гарри даже решил, что сейчас пройдёт, как было и раньше, и можно не обращать на это внимание. Но слабое давление уже перешло в слабое покалывание, а потом в резкую боль. Сердце словно сжало в тиски и пронзило сотней острых иголок. Гарри взялся за грудь, хватая ртом воздух, которого перестало хватать его лёгким.

□МИА!!! С НЕЙ ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО!!! □ — закричал его разум, прежде чем рэйвенкловец упал на пол, проваливаясь в темноту. В ту самую, где царствует Смерть.

* * *

— Ну сколько можно? Ты снова здесь! Я уже устала отправлять тебя назад, мне же за это голову оторвут!

□Ага, значит, всё-таки она! □ — пронеслось в голове Гарри, пока он стоял на коленях на тёмном полу, в тёмном месте, и держась за сердце. Его до сих пор трясло, настолько сильной была боль, что она даже отпечаталась в его душе.

— Я умер?

— Ещё нет, но был близок к этому.

— Тогда, я должен вернуться.

— Тебе нужен отдых. Тебя слишком сильно...

— Да плевать я хотел на отдых! — громко крикнул Поттер-Эванс. — Гермионе нужна помощь, срочно!

Смерть смотрела, как паренёк встаёт на ноги, держась за сердце и слегка шатаясь от боли. Мальчишка не обращал внимание на боль, вперив в лицо Смерти (хотя точнее туда, где должно оно быть), серьёзный взгляд.

— Твоей подруге помощь не понадобится сейчас, а вот тебе, если вернёшься, грозит опасность.

— Мне всё равно! Я не оставлю её в беде! ВЕРНИ МЕНЯ НАЗАД!!!

Взмах косы, и душу мальчика снова потянуло назад, но перед отправлением ему показалось, что в голосе Смерти проступили какие-то грустные нотки, но ему было всё равно. Надо скорее попасть назад.

□Я иду, Миа! □

<http://tl.rulate.ru/book/114882/4460198>